

СТАЛЬНОЕ
СЕРДЦЕ

THE METAL
HEART

CAROLINE LEA

СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

КЭРОЛАЙН ЛИ

Роман

Перевод с английского
Марины Извековой

phantom press

Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

7

ПРОЛОГ

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

17

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

63

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

155

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

211

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

293

Послесловие автора

348

От автора

Дорогие читатели!

В основу романа легли реальные события, в том числе строительство Итальянской часовни на Оркнейских островах во время Второй мировой войны, но прежде всего это художественное произведение. В частности, имена действующих лиц вымышлены, а названия мест и датировка некоторых событий изменены.

В книге я хотела высказаться от лица людей, втянутых в войну, одержимых любовью, меняющихся под гнетом неодолимых обстоятельств.

Работать над романом мне пришлось в разгар пандемии, во время локдауна, и мир сжимался на моих глазах; люди, запертые в четырех стенах, все же находили возможность поддержать друг друга, помочь, проявить доброту и любовь, пусть даже в мелочах. И в очередной раз я задумалась о том, как мы справляемся с трудностями, как создаем прекрасное, выражаем себя в искусстве, и о местах, где мы обретаем любовь и свет.

Спасибо вам за то, что читаете эту книгу. Приятного чтения!

Разинет пасть Морской Змей — и содрогнется земля, и хлынет на поля
вода из моря. Был он такой длинный, что обвивался вокруг земли
кольцом. Дохнёт он ядовитым смрадом — и гибнет все живое окрест.
Как услышат люди его имя — бледнеют и крестятся, ибо был он худшим
из девяти бедствий, что обрушились на род людской.

«Ассипатл и Морской Змей», оркнейская легенда

Пролог

Сестры

Шелки-Холм, Оркнейские острова

Ноябрь 1942

Из всех смертей, наверное, самая легкая — смерть от воды. Ты в темном чреве океана, все звуки приглушены. Утонуть — значит вернуться к началу, до того, как разрезали пуповину. Наша бы воля, такую смерть мы предпочли бы для себя.

Такой смерти мы пожелали бы и другим — тем, кого хоть сколько-нибудь любим.

Морская вода обжигает холодом, заливаясь в ноздри всякий раз, когда выныриваешь. Мы снова ныряем, пытаюсь высвободить ногу. Волны бьются о барьер, в глазах пелена. Держась друг за друга и отчаянно бултыхая ногами, чтобы не удариться о камни, мы смотрим, как болтается на волнах бледный утопленник. А выше, над морем, бушует буря, и на берегу люди гасят огни, отгораживаясь от ливня, и от вражеских самолетов, и от незримых чудищ. Здесь верят, что это ярится Морской Змей.

Волны подбрасывают безжизненное тело. У нас обеих жжет в груди. Только что он царапался, хватал

нас за руки. Последний отчаянный рывок, последний захлебывающийся крик. И вот он затих — глаза открыты, как у живого, и кажется, он дышит в одном ритме с морем, словно некое мифическое чудовище.

Всхлипывая, держась друг за дружку, выбираемся из воды. Пытаемся вытащить его на берег, отцепив от скал одежду. Снова и снова ныряем. Легкие распирает от боли, мышцы сводит судорогой, руки немеют, не в силах удержать скользкое тело.

Наконец удастся его высвободить.

Затаскиваем тело на барьер, который строили военнопленные. На наших глазах они укладывали камни, протягивали колючую проволоку — уродовали наш остров, нарушая порядок жизни.

Даже до войны, когда еще не было здесь ни орудий, ни охраны, ни железных барачных с военнопленными, об Оркнейских островах шла дурная слава. У нас, северян, особые представления о мире; здесь живут по своим законам — древним, простым, суровым. Это край света, все здесь шатко и ненадежно. Когда-то Оркнейские острова были на карте белым пятном, *terra incognita*, будто привиделись во сне пьяному матросу, выплыли из тумана и вновь исчезли, едва он успел обвести пальцем их контуры на мгlistом горизонте.

Здесь, на островах, есть сотни заброшенных могил, где можно спрятать тело, — глубокие ямы, заваленные землей и булыжниками, а вокруг смотрящие в небо зубцы скал, — но все это слишком далеко. Мы

тащим труп к карьере — там и ветра нет, и достаточно камней для похоронного обряда.

Вокруг темнеют каменные своды; ветер треплет волосы, выдувает слезы из глаз. Мокрыми, онемевшими руками роемся мы в завалах и, отыскав наконец семь камней подходящего размера, кладем их на труп согласно обряду. Один — на лоб, чтобы укротить беспокойные мысли; другой — на грудь, остановить бие-ние сердца; по одному — в ладони и на ноги, чтобы положить конец всякому движению, и последний — в рот, чтобы прервать дыхание. Иначе душа умершего не найдет покоя, будет маяться и терзать живых. Мы произносим заклинание:

*И кровь, и кость, и дух, и плоть
Холодный камень заберет.*

Наконец достаем стальное сердце и кладем мертвецу на грудь, туда, где совсем недавно билось сердце живое. И отворачиваемся, не в силах прижаться губами к холодному лбу, коснуться ледяной плоти.

Вот и все. Это и есть прощание.

Сидя на жесткой земле подле коченеющего тела, мы переживаем бурю.

Скоро нас найдут, и солнца нам больше не видать. Нас повесят без лишнего шума, в темном подвале, где вздергивали когда-то контрабандистов и браконьеров. А может, мы еще увидим напоследок солнце, когда нас выведут на заре в чистое поле — и там завяжут глаза и пустят пулю в лоб.

Редеют облака, сквозь них видны меркнувшие звезды — островитянам, что прячутся сейчас за плотными шторами или спят, не прочесть на небе знамений и предначертаний. Когда-то в такие ночи на порог сыпали соль, чтобы отогнать прочь морских духов. Сейчас земля изуродована воронками от бомб, стонет под колючей проволокой, пахнет пеплом костров и порохом с карьера. В эти темные дома не достучаться, все двери заперты.

Мы ждем.

— Сколько еще, по-твоему?

Мы судорожно вздыхаем. Теперь уже все равно — дни, недели, годы лежат впереди белым пятном. Будет тускло мерцать ночами море, будут новые и новые рассветы. Но уже без нас.

Первый луч рассвета касается моря, выхватывая из мрака остовы кораблей, лежащих здесь с Первой мировой. Мы подплывали к ним когда-то и находили там бомбы и скелеты. Во время отлива черепа клацают челюстями, будто пытаются что-то сказать.

И вот кто-то шагает по барьеру — мистер Кэмерон, штаны у него подвязаны веревкой, лицо землистое, он сухо покашливает на ходу.

Не дойдя до нас десяти шагов, он замечает тело.

— Боже! Что вы... Боже!

Он бледнеет и, спотыкаясь, бредет обратно, но не в сторону Керкуолла, а к лагерю — к ограждению из колючей проволоки, к баракам из листового железа.

Самое время бежать.

Но мы сидим неподвижно.

От земли поднимается холод, пробирает до костей, приковывает к месту.

Здесь и останемся.

Мы крепко держимся за руки, словно пытаемся слиться воедино. Вернуться в прошлое, в довоенное время, когда мы еще не знали ни любви, ни утрат, ни ревности.

Мы дышим в едином ритме, двести вдохов на двоих, и вот к нам спешат — но не полиция, а лагерный охранник, в черных башмаках и выглаженной темно-зеленой форме, цвет немаркий, ни грязи, ни крови на нем не видно.

Обернувшись, мы смотрим ему в лицо и поднимаем руки — бледная до синевы кожа на запястьях у нас одинаковая, даже нам самим не отличить.

И говорим в один голос:

— Это не она. Это я. Я его убила.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В пятницу я подобрал череп моряка,
Из него посыпался песок —
Точь-в-точь кладбищенские песочные часы.

Джордж Маккей Браун, «Бродяга на пляже»

Октябрь 1941

Полночь. Небо чистое, с россыпью звезд, посеребренное молодой луной. Сегодня самолеты над островами не кружили, уже больше года не было бомбежек. Блестят стволы орудий, вздернутые в небо. Утесы, словно вырезанные из бумаги, бросают зловещие тени на гладь залива. В темноте все кажется плоским, будто море вокруг Оркнейских островов — декорация и вот-вот начнется спектакль.

Меж скал в заливе Скапа-Флоу скользит немецкая подлодка. Одна, на невыполнимом боевом задании.

Командира Прина называли безумцем — он, мол, рискует экипажем, судном, жизнью. Его подчиненные отрывисто переговариваются, достают фотокарточки жен, детей, подруг.

Один шепчет: «*Vater unser in Himmel...*» — «Отче наш...»

Снаружи вздымается, будто вздыхает, вода; море в предзимье холодное, очутишься в воде — и сразу дух вон. А здесь, на борту подлодки, безопасно. Она несла их по враждебным водам, мимо айсбергов и морских

чудовищ. Плавучий дом, уютный, согретый их дыханием и смехом.

Субмарина скользит мимо затонувших кораблей, похожих на обглоданные скелеты. Стальной лабиринт, где всюду поджидают ловушки. Штурман различает впереди темные громады древних скал. Под водой, во тьме, все одинаково: что своя земля, что чужая — не отличишь. Но штурман знает эту местность, маршрут, эти затерянные острова.

Оркни.

А в вышине, побеленные луной, парят, словно призраки, гигантские британские корабли. Люди на этих кораблях ничего не подозревают, спят и во сне видят дом. Иллюминаторы открыты. Никто не ожидает удара.

Но о людях лучше не думать. Лучше сосредоточиться на орудиях, на том, как зарядить торпеды и навести их на самый большой корабль в доке — линкор британского флота «Ройял Оук». Он висит над ними в воде, покачиваясь на волнах, как раздутый труп.

Оркнейцы спят чутко, готовые проснуться от гула бомбардировщиков; час еще не очень поздний, едва перевалило за полночь. Говорят, немцы построили новый самолет, совершенно бесшумный, и будут испытывать над Оркнейскими островами. Говорят, победа Германии — дело решенное.

— Тсс, — шепчут матери, когда дети пересказывают ужасы, услышанные на школьном дворе.

— Мамочка, немцы с нас кожу сдерут!

— Нет здесь никаких немцев. — Но, подтыкая одеяла и целуя детей в лоб, матери хмурятся и поправляют шторы на окнах, чтобы ни один луч света не пробился наружу, не привлек пролетающие мимо самолеты.

Островов здесь много, от одних до других рукой подать, можно вплавь перебраться на соседний или переругиваться, стоя по разные стороны пролива. Тут никакой секрет не спрячешь, разве что под землей или в морской пучине.

Народ здесь угрюмый, нелюдимый, с суровыми лицами и одним на всех сердцем. Выживают они сообща, все тяготы преодолевают вместе — бури, штормы, неурожай. Все здесь друг друга знают по имени, знают, у чьего ребенка режутся зубки, а чьих сорванцов не мешало бы отшлепать как следует, поучить хорошим манерам. Знают, кто расстался с женой или невестой, кто захворал, и средство от всех напастей здесь одно — оставляют на крыльце буханку хлеба, словно в знак веры, что все разрешится.

Жители каждого острова зовутся по-своему: люди с острова Флотта — камбалы, а те, кто родом с острова Хой, — ястребы. Жителей Саут-Роналдсей зовут ведьмаками. Ничего зловещего тут нет, это повелось издавна, и никто не спрашивает почему.

Один из островков поменьше — Шелки-Холм, он назван так потому, что в здешних водах будто бы живут диковинные существа — шелки, полуженщины-полутюлени. В последние сто с лишним лет остров был необитаем. Единственное строение — ветхая

пастушья хижина, торчит на пригорке, словно гнилой зуб. Ни одна живая душа туда не заглядывала, разве что овцы, пока несколько месяцев назад там не поселились двойняшки Рид.

В проливе Скапа-Флоу, между островами Шелки-Холм и Мейнленд, еще в Первую мировую была морская база. Никто не рад возвращению сюда кораблей, но что поделаться? Английские матросы сходят на берег, буянят. Еды на всех не напасешься, по крохотному Керкуоллу разгуливают толпы парней — пива напьются, потом свистят вслед девчонкам. Не далее как на прошлой неделе матрос схватил девицу, полез целоваться. Та завизжала да как даст ему по макушке. Потом прошел слух, будто местные собираются штурмовать один из кораблей, проучить матросов. До дела так и не дошло — пошумели старики да юнцы плоско-стопые и угомонились, — но терпение у всех как натянутый канат, готовый лопнуть.

Почти все молодые оркнейцы ушли на фронт. На острове остались старики, женщины и дети, а из мужчин помоложе только те, кого в армию не взяли. Тем, кто остался, тревожно и муторно, все жмутся друг к другу, держатся вместе перед лицом войны, как перед грозой.

В Керкуолле, в теплом пабе, за столом сидят пятеро. Час назад все должны были разойтись, а паб закрыться, но они щедро заплатили хозяину, тот запер двери и теперь сам подает им пиво. При свете одной-единственной свечи они играют в карты и делятся друг

с другом историями. Запоздалый прохожий вряд ли заметит огонек в окне паба.

Карта за картой, байка за байкой: берега острова Хой заволокло туманом, и один рыбак, увидав в дымке чьи-то тени, подумал, что шелки, подплыл ближе, и лодка его налетела на скалу.

— Пришлось ему вплавь до берега добираться. Всю ночь на утесе куковал.

Все хохочут, но придвигаются поближе к огоньку.

И тут Нил Макленни, оглянувшись через плечо, говорит, что видел кое-что другое, непонятное, вот сейчас, по дороге в паб. Безлунное небо полыхнуло северным сиянием, а в заливе, под водой, у самой поверхности, что-то пронеслось.

— Темное, вроде большого зверя, — шепчет он, подавшись вперед.

Но Макленни, с сизым носом пьянчуги и красными глазами, легковерный дурачок, даже когда трезвый, — и приятели, похлопав по плечу, снова его угощают.

И все же история их отрезвляет, разговоры смолкают. Все чувствуют: что-то должно случиться. Наскоро простившись, они выходят из паба на холод и спешат вдоль берега по домам, едва отваживаясь взглянуть на море. Запыхавшись, вбегают в дома и бросаются наверх, убедиться, что жены и дети живы-здоровы; жены ворчат спросонок, а услышав байку Макленни, закатывают глаза. Мужья смотрят на спящих детей, тихонько посмеиваясь над собственной глупостью, и все равно приглушают свет, проверяют, надежно ли закрыты окна.

А после полуночи, когда на судах в заливе все спят, а на берегу нет ни души, из воды высовывается перископ немецкой подлодки — совсем ненадолго, но за это время экипаж Прина успевает зарядить четыре торпеды и выпустить в цель.

Дороти

Яркая вспышка вырывает меня из сна.

Несколько часов я ворочалась, всматривалась во мглу, мечтая скорей забыться, но стоило закрыть глаза, и я принималась считать: овсянки у нас осталось на две недели, а масла всего на одну. Мяса хватит дней на десять, если будем экономить. Но многие продукты можно достать только в Керкуолле, а стоит завести речь о том, чтобы снова туда отправиться, Кон дрожит от страха, и я вместе с ней.

Вчера мы с Кон плавали на веслах с Шелки-Холма в Керкуолл за материалами для ремонта нашего нового жилища — ветхой пастушьей хижины. Дверь вот-вот слетит с петель, а балки прогнили, нужны доски. И шифер для крыши: летом спать под звездами еще куда ни шло, а зимой замерзнем.

В войну тяжело найти что-то на продажу. Но у нас была шерсть и яйца на обмен, а вдобавок корпия для керкуоллской больницы, так что к пристани Керкуолла я причаливала с надеждой — точнее, внушала себе надежду. Кон скривила рот, но затевать очередной спор не стала.